

Эммануил Казакевич

Звезда (фрагмент)

Глава первая

Дивизия, наступая, углубилась в бескрайные леса, и они поглотили ее.

То, что не удалось ни немецким танкам, ни немецкой авиации, ни свирепствующим здесь бандитским шайкам, сумели сделать эти обширные лесные пространства с дорогами, разбитыми войной и размытыми весенней распутицей. На дальних лесных опушках застряли грузовики с боеприпасами и продовольствием. В затерянных среди лесов хуторах завязли санитарные автобусы. На берегах безыменных рек, оставшись без горючего, разбросал свои пушки артиллерийский полк. Все это с каждым часом катастрофически отдалялось от пехоты. А пехота, одна-одинешенька, все-таки продолжала двигаться вперед, урезав рацион и дрожа над каждым патроном. Потом и она начала сдавать. Напор ее становился все слабее, все неувереннее; и, воспользовавшись этим, немцы вышли из-под удара и поспешно убрались на запад.

Противник исчез.

Пехотинцы, даже оставшись без противника, продолжают делать то дело, ради которого существуют: они занимают территорию, отвоеванную у врага. Но нет ничего безотраднее зрелища оторванных от противника разведчиков. Словно потеряв

смысл существования, они шагают по обочинам дороги, как тела, лишенные души.

Одну такую группу догнал на своей машине командир дивизии полковник Сербиченко. Он медленно вылез из машины и остановился посреди грязной, разбитой дороги, уперев руки в бока и насмешливо улыбаясь.

Разведчики, увидев комдива, остановились.

— Ну что, — спросил он, — потеряли противника, орлы? Где противник? Что он делает?

Он узнал в идущем впереди разведчике лейтенанта Травкина (комдив помнил в лицо всех своих офицеров) и укоризненно покачал головой:

— И ты, Травкин? — И едко продолжал: — Веселая война, нечего сказать, — по деревням шататься да молочко попить... Так до Германии дойдешь и противника не увидишь с вами. А хорошо бы, а? — спросил он неожиданно весело.

Сидевший в машине начальник штаба дивизии подполковник Галиев устало улыбался, удивляясь неожиданной перемене в настроении полковника. За минуту до этого полковник беспощадно распекал его за нераспорядительность, и Галиев молчал с убитым видом.

Настроение комдива изменилось при виде разведчиков. Полковник Сербиченко начал свою службу в 1915 году пешим разведчиком. В разведчиках получил он боевое крещение и заслужил георгиевский крест. Разведчики остались его слабостью навсегда. Его сердце играло при виде их зеленых маскхалатов, загорелых лиц и бесшумного шага. Гуськом, друг за дружкой, идут они по обочине дороги, готовые в любое мгновение исчезнуть, раствориться в безмолвии лесов, в неровностях почвы, в мерцающих тенях сумерек.

Впрочем, упреки комдива были серьезными упреками. Дать противнику уйти, или, как это говорится на торжественном языке воинских уставов, дать ему оторваться, — это для разведчиков крупная неприятность, почти позор.

В словах полковника чувствовалась гнетущая его тревога за судьбу своей дивизии. Он боялся встречи с противником потому, что дивизия была обескровлена, а тылы отстали. И в то же время он

хотел встретиться наконец с этим исчезнувшим противником, сцепиться с ним, узнать, чего он хочет, на что способен. Да и, кроме того, пора было просто остановиться, привести людей и хозяйство в порядок. Конечно, не хотелось даже себе самому сознаваться, что его желание противоречит страстному порыву всей страны, но он мечтал, чтобы наступление приостановилось. Таковы тайны ремесла.

А разведчики стояли молча, переминаясь с ноги на ногу. Вид у них был довольно жалкий.

— Вот они, твои глаза и уши! — пренебрежительно сказал комдив начальнику штаба и сел в машину.

Автомобиль тронулся.

Разведчики постояли еще минуту, затем Травкин медленно пошел дальше, а за ним тронулись и остальные.

По привычке прислушиваясь к каждому шороху, Травкин думал о своем взводе.

Как и комдив, лейтенант и желал и боялся встречи с противником. Желал потому, что так ему повелевал долг, и потому еще, что дни вынужденного бездействия пагубно отражаются на разведчиках, опутывая их опасной паутиной лени и беспечности. Боялся же потому, что из восемнадцати человек, имевшихся у него в начале наступления, осталось всего двенадцать. Правда, среди них — известный всей дивизии Аниканов, бесстрашный Марченко, лихой Мамочкин и испытанные старые разведчики Бражников и Быков. Остальные были в большинстве вчерашние стрелки, набранные из частей в ходе наступления.

Этим людям пока очень нравится ходить в разведчиках, шагать друг за дружкой маленькими группами, пользуясь свободой, немислимой в пехотной части. Их окружают почет и уважение. Это, разумеется, не может не льстить им, и они глядят орлами, но каковы они будут в деле — неизвестно.

Теперь Травкин понял, что именно эти причины и заставляли его не торопиться. Его огорчили упреки комдива, тем более что он знал слабость Сербиченко к разведчикам. Зеленые глаза полковника глядели на него хитроватым взглядом старого, опытного разведчика прошлой войны, унтер-офицера Сербиченко, который из разделяющей их дали лет и судеб как бы говорил

испытующе: «Ну, посмотрим, каков ты, молодой, против меня, старого».

Между тем взвод вступил в селение. Это была обычная западноукраинская деревня, разбросанная по-хуторскому. С огромного, в три человеческих роста, креста смотрел на солдат распятый Иисус. Улицы были пустынные, и только лай собак по дворам и едва приметное движение домотканых холщевых занавесок на окнах показывали, что люди, запуганные бандитскими шайками, внимательно присматриваются к проходящим по деревне солдатам.

Травкин повел свой отряд к одинокому дому на пригорке. Дверь открыла старая бабка. Она отогнала большого пса и неторопливо оглядела солдат глубоко сидящими глазами из-под густых седоватых бровей.

— Здравствуйте, — сказал Травкин. — Мы к вам отдохнуть на часок.

Разведчики вошли вслед за ней в чистую комнату с крашеным полом и множеством икон. Иконы, как солдаты замечали уже не раз в этих краях, были не такие, как в России, — без риз, с конфетно-красивыми личиками святых. Что касается бабки, то она в точности походила на украинских старух из-под Киева или Чернигова, в бесчисленных холщевых юбках, с сухонькими, жилистыми ручками, и отличалась от них только недобрым светом колючих глаз.

Однако, несмотря на свою угрюмую, почти враждебную молчаливость, она подала захожим солдатам свежего хлеба, молока, густого, как сливки, соленых огурцов и полный чугунок картошки. Но все это так угрюмо, с таким недружелюбием, что кусок не лез в горло.

— Вот бандитская мамка! — проворчал один из разведчиков.

Он угадал наполовину. Младший сын старухи действительно пошел по бандитской лесной тропе. Старший же подался в красные партизаны. И в то время как мать бандита враждебно молчала, мать партизана гостеприимно открыла бойцам дверь своей хаты. Подав разведчикам на закуску жареное свиное сало и квас в глиняном кувшине, мать партизана уступила место матери бандита, которая с мрачным видом засела за ткацкий станок, занимавший полкомнаты.

Сержант Иван Аниканов, спокойный человек с широким простоватым лицом и маленькими, великой пронизательности глазками, сказал ей:

— Что же ты молчишь, как немая, бабуся? Села бы с нами, что ли, да рассказала чего-нибудь.

Сержант Мамочкин, сутулый, худой, нервный, насмешливо пробормотал:

— Ну и кавалер же этот Аниканов! Охота ему поболтать со старушкой!..

Травкин, занятый своими мыслями, вышел из дома и остановился возле крыльца. Деревня дремала. По косогору ходили стреноженные крестьянские кони. Было совершенно тихо, как может быть тихо только в деревне после стремительного прохода двух враждующих армий.

— Задумался наш лейтенант, — заговорил Аниканов, когда Травкин вышел. — Как сказывал комдив? Веселая война? По деревням шататься да молочишко попивать...

Мамочкин вскипел:

— Что там комдив говорил — это его дело! А ты чего лезешь? Не хочешь молока — не пей, вон вода в кадке. Это не твое дело, а лейтенанта. Он отвечает перед высшим начальством. Ты нянькой хочешь быть при лейтенанте! А кто ты такой? Деревенщина. Попался бы ты мне в Керчи, я бы тебя за пять минут раздел, разул и рыбкам на обед продал!

Аниканов беззлобно рассмеялся:

— Это верно. Раздеть, разуть — это по твоей части. Ну, и насчет обедов ты мастер. Об этом и говорил комдив.

— Ну и что? — наскокивал Мамочкин, как всегда уязвленный спокойствием Аниканова. — И пообедать можно. Разведчик с головой обедает получше генерала. Обед смелости и смекалки прибавляет. Понятно?

Розовощекий, с льняными волосами Бражников, круглолицый веснущатый Быков, семнадцатилетний мальчик Юра Голубовский, называемый всеми «Голубь», высокий красавец Феоктистов и остальные, улыбаясь, слушали горячий южный говорок Мамочкина и спокойную, плавную речь Аниканова. Только Марченко — широкоплечий, белозубый, смуглый — все время стоял возле

старухи у ткацкого станка и с наивным удивлением городского человека повторял, глядя на ее маленькие сухонькие ручки:

— Это же целая фабрика!..

В спорах Мамочкина с Аникановым — то веселых, то яростных спорах по любому поводу: о преимуществах Керченской селедки перед иркутским омулем, о сравнительных качествах немецкого и советского автоматов, о том, сумасшедший ли Гитлер или просто сволочь, и о сроках открытия второго фронта — Мамочкин был нападающей стороной, а Аниканов, хитро щуря умнейшие маленькие глазки, добродушно, но едко оборонялся, повергая Мамочкина в ярость своим спокойствием.

Мамочкина, с его несдержанностью бузотера и неврастеника, раздражали аникановская деревенская солидность и добродушие. К раздражению примешивалось чувство тайной зависти: у Аниканова был орден, а у него только медаль; к Аниканову командир относился почти как к равному, а к нему почти как ко всем остальным. Все это уязвляло Мамочкина. Он утешал себя тем, что Аниканов — партиец и поэтому, дескать, пользуется особым доверием, но в душе он сам восхищался хладнокровным мужеством Аниканова. Смелость же Мамочкина была зачастую позерством, нуждалась в беспрестанном подстегивании самолюбия, и он понимал это. Самолюбия у Мамочкина было хоть отбавляй. За ним утвердилась слава хорошего разведчика, и он действительно участвовал во многих славных делах, где первую роль играл все-таки Аниканов.

Зато в перерывах между боевыми заданиями Мамочкин умел показать товар лицом. Молодые разведчики, еще не бывшие в деле, восхищались им. Он щеголял в широченных шароварах и хромовых желтых сапожках, ворот его гимнастерки был всегда расстегнут, а черный чуб своевольно выбивался из-под кубанки с ярко-зеленым верхом. Куда было до него массивному, широколицему и простоватому Аниканову!

Происхождение и довоенный опыт каждого из них: колхозная хватка сибиряка Аниканова, сметливость и точный расчет металлиста Марченко, портовая бесшабашность Мамочкина — все это наложило свой отпечаток на их поведение и нрав, но прошлое уже казалось бесконечно далеким. Не зная, сколько еще продлится

война, они ушли в нее с головой. Война стала для них бытом и этот взвод — единственной семьей.

Семья! Это была странная семья, члены которой не слишком долго наслаждались совместной жизнью: одни отправлялись в госпиталь, другие еще дальше — туда, откуда никто не возвращается. Была у нее своя небольшая, но яркая история, передаваемая из «поколения» в «поколение». Кое-кто помнил, как во взводе впервые появился Аниканов. Долгое время он не участвовал в деле — никто из старших не решался брать его с собой. Правда, огромная физическая сила сибиряка была большим достоинством: он свободно мог сгрести в охапку и придушить, если понадобится, даже двоих. Однако Аниканов был так огромен и тяжел, что разведчики боялись: а что, если его убьют или ранят? Попробуй вытащи такого из огня! Напрасно он упрашивал и клялся, что если его ранят, он сам доползет, а убьют — «Чорт с вами, бросайте меня! Что мне немец, мертвому-то, сделает?» И только сравнительно недавно, когда пришел к ним новый командир, лейтенант Травкин, сменивший раненого лейтенанта Скворцова, положение изменилось.

Травкин в первый же поиск взял с собой Аниканова. И «эта громадина» сгреб здорового немца так ловко, что остальные разведчики и охнуть не успели. Он действовал быстро и бесшумно, как огромная кошка. Даже Травкин с трудом поверил, что в плащ-палатке Аниканова бьется полузадушенный немец, «язык» — мечта дивизии на протяжении целого месяца. В другой раз Аниканов вместе с сержантом Марченко захватил немецкого капитана, при этом Марченко был ранен в ногу, и Аниканову пришлось тащить немца и Марченко вместе, нежно прижимая товарища и врага друг к другу и боясь в равной степени повредить обоих.

Рассказы о подвигах многоопытных разведчиков были главной темой долгих ночных разговоров, они будоражили воображение новичков, питали в них горделивое чувство исключительности их ремесла. Теперь, в период долгого бездействия, вдали от противника, люди пообленились.

Плотно поев и сладко затянувшись махоркой, Мамочкин выразил желание остановиться в деревне на ночь. Марченко неопределенно сказал:

— Да, спешить тут нечего... Все равно не догоним. Здорово тикает немец.

В это время дверь отворилась, вошел Травкин и, показывая пальцем в окно на стреноженных лошадей, спросил хозяйку:

— Бабушка, чьи это кони?

Одна из лошадей, большая гнедая кобыла с белым пятном на лбу, принадлежала старухе, остальные — соседям. Минут через двадцать эти соседи были созваны в старухину избу, и Травкин, торопливо нацарапав расписку, сказал:

— Если хотите, пошлите с нами кого-нибудь из ваших ребят, он приведет лошадей обратно.

Это предложение понравилось крестьянам. Каждый из них отлично знал, что только благодаря быстрому продвижению советских войск немец не успел угнать всю скотину и сжечь деревню. Они не стали чинить препятствий Травкину и тут же выделили подпаса, который должен был отправиться с отрядом. Шестнадцатилетний паренек в овчинном тулупчике был и горд и напуган возложенным на него ответственным поручением. Распутав лошадей и взнуздав их, а затем напоив из колодца, он вскоре сообщил, что можно трогаться.

Через несколько минут отряд конников пустился крупной рысью на запад. Аниканов подъехал к Травкину и, косясь на скачущего рядом паренька, тихо спросил:

— А не нагорит вам, товарищ лейтенант, за такую реквизицию?

— Да, — ответил Травкин подумав, — может и нагореть. А немца мы все-таки догоним!

Они понимающе улыбнулись друг другу.

Погоня лошадь, всматривался Травкин в безмолвную даль древних лесов. Ветер свирепо дул ему в лицо, а кони казались птицами. Запад озарился кровавым закатом, и, как бы догоняя этот закат, неслись на запад всадники.

Глава вторая

Штаб дивизии расположился на ночлег в большом лесу, в центре забывшихся беспокойным сном полков. Костры не зажигались — над лесами на большой высоте назойливо гудели

немецкие самолеты, нащупывая проходящие войска. Высланные вперед саперы поработали здесь полдня и построили красивый зеленый шалашный городок с прямыми аллеями, четкими стрелками указок и опрятными, покрытыми хвоей шалашами. Сколько таких недолговечных «потешных» городков построено было за годы войны саперами дивизии!

Командир саперной роты лейтенант Бугорков дожидался приема у начальника штаба. Подполковник не отрывал глаз от карты. Зеленые пространства ее, с нанесенным на них положением частей дивизии, выглядели очень странно. Обычных линий, проведенных синим карандашом и обозначающих противника, не было вовсе. Тылы находились чорт знает где. Полки казались угрожающе одинокими в нескончаемой зелени лесов.

Лес, в котором дивизия остановилась на ночлег, имел форму вопросительного знака. Этот зеленый вопросительный знак словно дразнил подполковника Галиева издевательским голосом командарма: «Ну как? Это вам не Северо-западный фронт, где вы полвойны сиднем просидели и немецкая артиллерия стреляла по часам? Маневренная война-с!»

Галиев, не спавший уже которую ночь, кутался в бурку. Подняв наконец глаза от карты, он заметил Бугоркова:

— Тебе чего?

Лейтенант Бугорков не без удовольствия оглядывал построенный им превосходный шалаш.

— Я пришел узнать, где разместится завтра штаб, товарищ подполковник, — ответил он. — На рассвете я вышлю туда взвод.

Ему очень хотелось, чтобы дивизия задержалась в этом лесу хотя бы еще на сутки. Веселый шалашный городок был бы хоть немного обжит, и хоть кто-нибудь да похвалил бы Бугоркова за это чудо шалашного строительства. А то и оглянуться не успеешь, как новенькие шалашы будут покинуты и в них начнет хозяйничать весенний ветер. Бугорков был сыном и внуком прославленных плотников и каменщиков — неудовлетворенная гордость строителя говорила в нем.

Подполковник кратко сказал:

— Дай свою карту, — и начертил на карте Бугоркова флажок на опушке какого-то другого леса, километрах в сорока от нынешней стоянки.

Бугорков подавил вздох и направился к выходу, но в эту минуту плащ-палатка, занавешивающая вход, раздвинулась, и в шалаш вошел начальник разведки капитан Барашкин. Подполковник Галиев встретил его очень неприветливо:

— Командир дивизии недоволен разведкой. Сегодня мы встретили лейтенанта Травкина с его людьми. Что за вид! Незаправленные, обросшие. О чем вы думаете?

Подполковник помолчал и вдруг выкрикнул отчаянным голосом:

— И будьте любезны, капитан, скажите мне наконец, где противник?

Лейтенант Бугорков выскользнул из шалаша и пошел готовить взвод саперов к предстоящему выступлению. Он решил по дороге отыскать Травкина, чтобы предупредить его о слышанном. «Пусть срочно пострижет и побреет разведчиков, — благожелательно думал Бугорков, — не то ему будет здоровая нахлобучка».

Бугорков любил Травкина, своего земляка-волжанина. Прославленный разведчик, Травкин оставался тем же тихим и скромным юношей, каким был при их первой встрече. Встречались они, правда, довольно редко — у каждого хватало собственных служебных забот, — но приятно было иногда вспомнить, что здесь, где-то недалеко, ходит приятель и земляк Володя Травкин, скромный, серьезный, верный человек, ходит вечно на виду у смерти, ближе всех к ней...

Травкина Бугоркову найти не удалось. Сунулся он в шалаш Барашкина, но тот был еще не в себе после полученного нагоняя и на вопрос Бугоркова ответил:

— Чорт его знает, где он! Охота мне получать за него замечания...

Капитан Барашкин славился в дивизии как сквернослов и лентяй. Зная, что начальство относится к нему плохо, и каждый день ожидая, что его отстранят от работы, он и вовсе перестал что-либо делать. Где его разведчики и чем они занимаются, он так толком и не знал в течение всего наступления. Сам он ехал в

штабном грузовике и «крутил роман» с только что прибывшей новой радисткой Катей, светловолосой задумчивой девицей-солдатиком с красивыми глазами.

Бугорков вышел от Барашкина и очутился в самом центре построенного им недолговечного человеческого гнезда. Слоняясь по прямым аллеям, он думал о том, что хорошо бы покончить наконец с этой войной, поехать в свой родной город и там снова делать свое дело: строить новые дома, вдыхать сладкий запах строганных досок и, взбираясь по лесам, обсуждать с бородатыми мастеровыми замысловатые чертежи на помятой синьке.

На рассвете Бугорков, уложив на повозку лопаты, кирки и прочий инструмент, отправился в путь во главе своих саперов.

Болтовня первых птиц разносилась по лесу, смыкавшему над узкой дорогой кроны старых деревьев. По обочинам дороги ходили в накинутых поверх шинелей плащ-палатках продрогшие за ночь часовые. У дороги и вокруг стоянки были вырыты окопы, и в них дежурили у своих пулеметов сонные пулеметчики. Солдаты спали на земле на елочном лапнике, тесно прижавшись друг к другу. Утренний холод будил людей, и они бросались собирать шишки и ветки для костров.

«Вот она, война! — думал Бугорков поживаясь. — Великая бездомность сотен и тысяч людей».

Пройдя километров десять, саперы увидели быстро приближающиеся с запада фигуры трех всадников. Бугорков встревожился: он знал, что впереди нет ни одного красноармейца. Всадники неслись галопом, и вскоре Бугорков с облегчением узнал в одном из них Травкина.

Не сходя с лошади, Травкин сказал:

— Немцы недалеко, с артиллерией и самоходками.

Он на карте Бугоркова показал расположение немецкой обороны, проходившей как раз по опушке того леса, где Бугорков собирался строить очередной шалашный городок.

— А два немецких броневика и самоходка стоят вот здесь, наверное в засаде.

Напоследок Травкин сказал:

— Вот видишь... Аниканов ранен в стычке с немцами.

Аниканов неловко сидел на лошади, виновато улыбаясь, словно он по неосторожности причинил всем большую неприятность.

Бугорков спросил растерянно:

— А мне что делать?

Условились, что саперы подождут здесь. Травкин доложит начальнику штаба, а потом передаст Бугоркову распоряжение Галиева. Травкин стегнул большую гнедую лошадь с белым пятном на лбу и снова пустился вскачь.

Посреди шалашного городка, возле своей машины, стоял полковник Сербиченко. Вокруг собрались командиры полков, подполковники и майоры, а немного поодаль — адъютанты и ординарцы. Травкин круто остановил лошадь, слез с нее и, прихрамывая после непривычно долгой верховой езды, доложил:

— Товарищ комдив, немцы недалеко.

Его обступили, и он кратко рассказал, что на ближней речке расположены немецкие позиции в виде сплошной траншеи. Он видел там же артиллерийские позиции и шесть самоходок. Траншеи

заняты немецкой пехотой. Километрах в двадцати отсюда два броневика и самоходка стоят в засаде.

Комдив отметил на карте данные Травкина. Началась легкая суматоха: командиры полков и штабные тоже вынули карты, подполковник Галиев скинул с плеч на землю свою бурку, вдруг перестав зябнуть, а начальник политотдела пошел собирать политработников.

— Значит, ты думаешь, что оборона серьезная? — спросил наконец комдив, проведя последнюю черту синим карандашом на карте, развернутой по капоту автомашины.

— Так точно.

— И самоходки ты сам видел?

— Так точно.

— А ты не сочиняешь трошки? — неожиданно заключил свои вопросы полковник, вскидывая на Травкина зеленовато-серые прищуренные глаза.

— Нет, не сочиняю, — ответил Травкин.

— Ты не обижайся, — примирительным тоном сказал комдив. — Это я для верности спрашиваю, ибо знаю, козаче, что разведчики приврать любят.

— Я не вру, — повторил Травкин.

Где-то уже давали команду «В ружье!» Лес глухо зашумел. Это подымались подразделения.

Комдив, глядя на карту, приказывал:

— Полки идут походным порядком, как раньше.

Авангардный полк высылает вперед усиленный батальон в качестве передового отряда. Полковая артиллерия следует с пехотой. На фланги выбрасываются разведчики и автоматчики. Достигнув высоты 108,1, передовой полк развертывается в боевой порядок. Его командный пункт — высота 108,1. Я — на западной опушке этого леса, возле дома лесника... Галиев, готовь боевое распоряжение! Доложи в корпус. — И вдруг сказал негромко: — Смотрите, товарищи начальники! Артполк отстал. Снарядов и патронов мало. Мы в невыгодном положении. Будем честно выполнять свой долг.

Офицеры быстро разошлись по своим делам, и у машины остались только комдив, Галиев и Травкин.

Полковник Сербиченко оглядел Травкина и его взмыленную лошадь и, усмехнувшись, произнес:

— Добрый козак.

— У меня Аниканов ранен, — смутившись, поведал ни с того ни с сего полковнику Травкин.

Комдив ничего не ответил, отдал последние распоряжения Галиеву и уехал к полкам.

Вокруг Галиева забегали штабные офицеры. Он был неузнаваем. Повеселевший, шумливый, он вдруг стал похож на проказливого бакинского мальчишку, каким был лет тридцать назад. «Галиев немца чует», говорили про него в такие минуты.

— Поезжай к своим людям! Следи за немцем и присылай нарочных! — крикнул он Травкину.

— Есть! — крикнул в ответ Травкин и снова вскочил на лошадь.

Сопровождавший его разведчик между тем сдал Аниканова санинструктору и, ведя на поводу лошадь без седока, присоединился к лейтенанту.

Травкин застал Бугоркова на прежнем месте в тревожном ожидании. Травкин спешил, рассеянно выпил предложенную Бугорковым водку и показал ему на карте месторасположение штаба дивизии.

— Значит, снова война начинается, — сказал Бугорков и посмотрел в серьезные глаза Травкина.

Разведчики прищипорили лошадей и пустились вскачь навстречу неизвестному.

А саперы тронулись в путь, тихо рассуждая о том, что вот снова начнутся бои и конца этим боям не видать. Не видать конца этим боям...

Бугорков сказал:

— Ну, ребята, теперь вместо шалашстроя будет нам блиндажстрой.

Травкин вскоре присоединился к своим людям, ожидавшим его на лесистом холме, неподалеку от безымянной речки, за которой окопались немцы.

Марченко, наблюдавший немцев с верхушки дерева, слез и доложил лейтенанту:

— Эти немцы в броневиках и самоходке покрутились здесь полчаса, потом повернули и переехали речку — к своим, значит, убрались. Речка мелкая, я видел. Вода доходила броневикам до середины.

Разведчики поползли к речке и залегли в кустах. Паренька с лошадьми Травкин отправил домой:

— Езжай все прямо по этой дороге. Лошадей возьмешь не всех — две останутся у меня еще на день. Пришлю их завтра, а то донесения не на чем посылать.

Затем Травкин подполз к своим людям и стал наблюдать немецкую оборону. Траншея была вырыта недавно и еще не закончена. Перебегающим по ней немцам она едва доходила до плеч. Впереди траншеи — проволочное ограждение в два кола. Разведчиков отделяла от немцев неширокая речка, поросшая камышом. На бруствере траншеи во весь рост стоял человек и смотрел на восточный берег в бинокль.

— Сейчас отправлю его к гитлеровой бабушке, — шепнул Мамочкин.

— Не дури! — сказал Травкин.

Он смотрел на немецкую оборону, оценивая ее. Да, вот та чуть приметная серая полоска земли — вторая траншея. Место для обороны немцы выбрали хорошее: западный берег гораздо выше восточного и густо порос лесом. Высота возле разбросанных домиков хутора — командная, на карте она обозначена цифрой 161,3. Немцев в траншее много. На восточной окраине хутора стоит самоходная пушка. Травкин вдруг вспомнил об Аниканове, но вспомнил как-то вскользь, неопределенно. Так вспоминают сошедшего ночью с поезда пассажира, недолго побывшего среди остальных и сгинувшего неизвестно куда.

Мамочкин прошептал:

— Смотрите, товарищ лейтенант: фрицы выходят на экскурсию.

Человек тридцать немцев вышли из лесу и пошли к реке. Здесь они рассредоточились и, с опаской вглядываясь в противоположный берег, вошли в мутную воду.

Травкин сказал лучшему стрелку взвода — Марченко:

— Пугни-ка их!

Последовала длинная очередь из автомата. От пулевых ударов подскакивали фонтанчики. Немцы выскочили из реки обратно на свой берег и, суетливо оглядываясь и гогоча, как гуси, залегли. В траншее заволновались, забегали, раздалась гортанная команда, засвистели пули.

Самоходная пушка, стоявшая на окраине хутора, вдруг затряслась, заверещала и выпустила один за другим три снаряда. Через секунду ударили немецкие орудия. Их было не меньше десятка, и они в течение трех-четырех минут били по бугру. Снаряды яростно взрывали землю, оглушая странным воплем молчаливые леса.

Гул артиллерийского налета услышал передовой отряд дивизии — усиленный батальон. Люди остановились. Командир батальона капитан Муштаков и командир батареи капитан Гуревич замерли на своих лошадях. Муштаков сказал:

— Вот что значит отвык... Больше месяца не слышал этой музыки.

Взрывы следовали равномерно один за другим.

Постояв с минуту, усиленный батальон двинулся дальше. На повороте солдаты увидели паренька в овчинном тулупчике, с лошадьми. Он сидел, сторбившись, верхом на лошади и, вытянув шею, прислушивался к мощному гулу орудий.

Командир батальона, поровнявшись с ним, спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Поспишайте! — испуганным шопотом сказал паренек. — Там на ричци нимцив багато-багато, а разведчикив двенадцать чоловик...

Глава третья

То, что на военном языке называется переходом к обороне, начинается так:

Части развертываются и пытаются с ходу прорвать фронт противника. Но люди измотаны непрерывным наступлением, артиллерии и боеприпасов мало. Попытка атаковать не имеет успеха. Пехота остается лежать на мокрой земле под неприятельским огнем и весенним дождем вперемешку со снегом. Телефонисты слушают яростные приказания и ругань старших

командиров: «Прорвать! Поднять пехоту и опрокинуть фрицев!» После второй неудачной атаки поступает приказ: «Окопаться».

Война превращается в огромную землеройку. Земляные работы ведутся по ночам, освещаемые разноцветными немецкими ракетами и пожаром зажженных немецкой артиллерией ближних деревень. В земле растет запутанный лабиринт звериных нор и норок. Вскоре вся местность преобразуется. Это уже не лесистый берег небольшой реки, заросшей камышом и водорослями, а изъязвленный осколками и разрывами передний край, разделенный на пояса, как Дантов ад, лысый, перекопанный, обезличенный и обвеваемый нездешним ветром.

Разведчики, сидя по ночам на бывшем берегу реки (теперь это зовется нейтральной полосой), слушают стук немецких топоров и голоса немецких саперов, тоже укрепляющих свой передний край.

Между тем нет худа без добра. Понемногу подтягиваются тылы, на скрипучих повозках подвозятся снаряды, патроны, хлеб, сено, консервы. Подъехали наконец и остановились где-то поблизости, маскируясь в ближних лесах, медсанбат, полевая почта, обменный пункт, ветеринарный лазарет.

Прибывает и артполк, встречаемый всеми с великой радостью. Орудия вкапываются в землю и ведут правильную пристрелку по целям, производя, к полному удовольствию наших солдат, буйные налеты на немецкие траншеи и блиндажи.

Начинается сравнительно тихая жизнь, мокрая жизнь, жизнь липкая, дрянная, земляная, но все-таки жизнь. А когда подходит ближе полевая почта и накопившиеся за месяц наступления письма целыми пачками доходят до продрогших солдатских рук, — это уже почти счастливая жизнь.

Сидя в окопчике на самом берегу реки, среди камыша и гниловатых водорослей, прочитал свои письма и Травкин. Писали мать — учительница из небольшого волжского городка, и сестра из Москвы. Все письма матери, в сущности, были невысказанной горячей просьбой: не погибнуть.

Сестра Лена, студентка Московской консерватории по классу скрипки, писала о своих успехах. Она писала о Бахе и Чайковском с юношеской фамильярностью: дескать, «старик Чайковский оказался не так уж труден, как я думала раньше... Этот старый

немец Бах...» и так дальше. Лепет юности, ровный свет электрических плафонов, тусклый блеск скрипок — как все было далеко! Травкин даже, по правде сказать, обиделся, что люди ходят в театр, слушают музыку, влюбляются, учатся, в то время как он, Травкин, и другие сидят здесь под страхом смерти и — что еще хуже — под проливным дождем.

— Что вам пишут, товарищ лейтенант? — спросил сидящий рядом с биноклем в руках Марченко.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
  - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург. ул. Советская, 20, 2 этаж.